

Цзян Есюэ медленно поднялся на ноги. Он настороженно уставился на человека перед собой, плотно сжав губы и не проронив ни слова.

Мужун Чуи тоже встал. Он оставался таким же холодным и отстранённым, как и всегда.

— Твои раны исцелят люди клана Юэ, — сухо произнёс он. — Тебе также выплатят соответствующую компенсацию.

Лицо Цзян Есюэ выражало лишь безразличие:

— Жизнь моя гроша ломаного не стоит, и я не достоин милости таких высокопоставленных особ. То, что господин Мужун оставил меня в живых — уже великое благословение моих предков.

Мужун Чуи не привык уговаривать людей, даже если этот человек пострадал по его вине. Будь на его месте кто-то другой, возможно, он удостоился бы пары добрых слов или хотя бы благосклонного взгляда. Но этот человек был до боли похож на того, кого он ненавидел больше всего на свете. Просить его склонить голову? Скорее уж во сне привидится что-то более реальное.

— Как знаешь, — бросил Мужун Чуи.

Он сложил пальцы в мудру, и барьер исчез. Взору вновь открылся привычный переулок.

По ту сторону барьера Юэ Чэньцин и маленькая Лань-эр с тревогой смотрели на них. Не дожидаясь вопросов Юэ Чэньцина, Мужун Чуи сказал:

— Это не он. Просто человек, похожий на него.

— А! — Юэ Чэньцин был поражён. Тот человек был так похож, разве это возможно? — Четвертый дядя, ты точно не ошибся? Он ведь вылитый он!

Но Мужун Чуи даже не взглянул на него и зашагал прочь. Юэ Чэньцин, несмотря на одолевавшие его сомнения, всё же доверял своему четвёртому дяде, поэтому, не обращая больше внимания на незнакомца, припустил следом.

Однако маленькая Лань-эр не ушла. Она проводила взглядом Мужун Чуи и остальных, а затем посмотрела на окровавленного человека и, в конце концов, бросилась вдогонку за ним.

Цзян Есюэ не собирался уходить сразу: он решил вернуться в трактир. Если он заявит в таком виде домой, старик его живьём съест, нужно сначала найти место, чтобы привести себя в порядок. Он никак не ожидал, что, едва отделавшись от Мужун Чуи, будет настигнут этой

девчушкой.

— Малышка, ты смерти своей ищешь? Тех двоих я, может, и не одолел бы, но тебя прикончу в два счёта.

Мягкие черты лица Цзян Есюэ, теперь залитого кровью, исказились. Стоило ему напустить на себя свирепый вид, как он стал походить на самого настоящего злодея.

Но девочка ничуть не испугалась. Напротив, она сладко улыбнулась:

— Старший брат, я знаю, что ты не господин. Но можно мне называть тебя господином? У меня было столько всего, что я хотела ему сказать, но теперь уже не успею. Говорят, что похожие люди связаны судьбой. Если я скажу это тебе, может, господин тоже услышит?

Цзян Есюэ замер. Он думал, что девчонка пришла сводить счёты, но всё оказалось совсем иначе.

— Говори, — Цзян Есюэ смягчился, возможно, из чувства вины. — Раз уж ты не напала на меня раньше, я тебя выслушаю. Только быстрее, у меня нет лишнего времени.

Услышав согласие, Лань-эр просияла так, что на глазах выступили слёзы.

— Господин, это я, Лань-эр. Я так давно вас не видела. Хотя... хотя когда у меня вырвали ядро духа, было очень больно, и хоть вы не по-настоящему любили Лань-эр, мне было так хорошо рядом с вами. Так хорошо... никто больше не смел меня обижать.

Она продолжала тихо:

— Господин, вы сами учили меня: если совершил ошибку, нужно просто осознать её и исправить. Вы просто тогда помутились рассудком, вот и всё. Нужно просто всё исправить. Господин, вы не один, есть те, кто заботится о вас. Лань-эр очень любит господина...

— Больше не буду говорить. Господин, старшему брату тоже тяжело, я не могу его больше утруждать. Господин, если будет следующая жизнь, я непременно буду защищать вас.

Правда о пещере Хуньтянь в конце концов открылась проницательной Лань-эр. Она всё поняла и вспомнила поступки Цзян Есюэ. Сначала ей было очень горько, но со временем это доброе дитя приняло всё, что он совершил.

Странно, но факт.

Лань-эр снова улыбнулась и прошептала:

— Господин, если бы не те страдания, если бы тогда в вашем сердце осталась хоть капля привязанности, всё было бы иначе, правда? Вы бы остались тем же мягким, великодушным господином, подобным нефриту.

Говоря это, Лань-эр уже рыдала навзрыд, постоянно вытирая слёзы — зрелище было донельзя жалким. Цзян Есюэ хотел было стереть слёзы с её лица, хотел утешить, но, едва протянув руку, тут же опустил её.

На сердце стало тяжело. Он невольно пожалел себя: Цзян Есюэ, кто бы мог подумать, что единственным, кто поймёт тебя в конце, окажется ребёнок, с которым ты провёл всего пару месяцев. Если даже ребёнок смог всё осознать, почему они — нет? Почему они так жаждут твоей смерти?

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем Лань-эр перестала плакать. Она с улыбкой поблагодарила человека, так похожего на её учителя.

— Старший брат, спасибо, что помог мне исполнить желание. Эту бамбуковую стрекозу подарил мне господин. Он был таким искусным, она умеет не только летать, но и петь. Я хочу, чтобы она всегда была с ним. Тогда господин не будет чувствовать себя одиноким. Я буду рядом с ним.

Цзян Есюэ взял стрекозу и улыбнулся:

— И правда, изящная вещь. Господин Цзян наверняка был бы рад.

— Спасибо тебе, старший брат, — Лань-эр тоже улыбнулась, но вдруг что-то вспомнила и достала пузырёк с лекарством. — Это отличная мазь. Хотя она не исцелит раны, оставленные Водой Покаяния, но поможет облегчить боль. Возьми, старший брат.

Цзян Есюэ не взял лекарство. При виде пузырька перед глазами возникла сцена, как Мужун Чуи насильно вливает в него снадобье, и его охватил страх. Он поспешил перевести тему:

— Малышка, оставь себе. В пути всякое бывает, пригодится. К тому же господин Мужун... господин Мужун уже дал мне лекарство. Давай не будем об этом. Откуда ты узнала, что я... что я пил Воду Покаяния?

— Лекарство господина Мужуна и правда сильное.

Видя, что старший брат не взял мазь, Лань-эр немного расстроилась, но послушно ответила:

— После того как у меня изъяли ядро духа, мои чувства обострились. Я замечаю то, чего не видят другие. От тебя пахнет кровью, но сквозь этот запах я почувствовала аромат Воды Покаяния.

Она бросила тревожный взгляд в ту сторону, куда ушли Мужун Чуи и Юэ Чэньцин, и заторопилась:

— Старший брат, мне пора. Если я не пойду, господин Мужун и брат Чэньцин начнут волноваться. До свидания!

Лань-эр убежала. Цзян Есюэ улыбнулся, но тут же поморщился от боли — то ли рана дала о себе знать, то ли ещё что.

Пещера Хуньтянь, руины.

— Ну что, не слушал старика, вот и поплатился. Говорил же, не ходи, не ходи, Сюэ-эр, а ты упрямисься. Получил своё? — Старик сидел на троне посреди руин, закинув ногу на ногу, и выглядел крайне довольным.

Цзян Есюэ промолчал. Ему было лень выяснять, откуда старик всё узнал. Он просто сел на землю, вертя в руках бамбуковую стрекозу, и погрузился в свои мысли.

Старик не унимался:

— Говорю тебе, Сюэ-эр, так обманывать Мужун Чуи... если он когда-нибудь узнает, живьём тебя с потрохами съест.

Цзян Есюэ не ответил сразу, лишь потёр переносицу. Шрамы на лице больше не кровоточили, но всё ещё выглядели пугающе.

— Старик, откуда ты всё знаешь? Но в одном ты не прав: когда я его обманывал? Разве я сказал неправду? Хань Цзян Есюэ, у меня действительно есть имя Хань И, и я видел имя Цзян Есюэ в Записях о чудесах Девяти областей, и его жизнь действительно была такой. В чём же обман?

Он не был глуп и не любил боли, так зачем ему было мучить себя ради обмана Мужун Чуи? Всё, что он говорил, было правдой. А поймут они её или нет — это уже их дело.

Старик продолжал подначивать:

— Если не обманывал, почему не ответил на последний вопрос? Или всё-таки не вынес боли от Воды Покаяния?

Последний вопрос. Кто те люди, которые больше всего дороги Цзян Есюэ?

Дороги? Ха-ха-ха. Ты сам загнал его в угол так, что никого не осталось, Мужун Чуи. Как у тебя язык повернулся спросить об этом?

Цзян Есюэ помолчал, а затем ответил:

— Я не побоялся ответить. Если бы не эта проклятая Вода Покаяния, чёрт знает, кто её варил, такая сильная, я бы выдержал.

Хотя он так сказал, отвечать на этот вопрос было нельзя. Если бы он ответил, все его страдания оказались бы напрасными. Он хотел притвориться, что потерял сознание из-за Воды Покаяния, но в итоге отключился по-настоящему.

Старик, казалось, видел его насквозь:

— Сюэ-эр, ты самый упрямый человек, которого я встречал. Зная, что память может исчезнуть, ты первым делом сохранил её. Зная, что встреча с прошлым принесёт боль, всё равно пошёл на риск. И ты говоришь, что отпустил всё? Кто в это поверит!

— Я верю, — Цзян Есюэ продолжал смотреть на стрекозу. — Может, именно потому, что он знал о моём упрямстве, он оставил память, чтобы я стал сторонним наблюдателем своей собственной жизни. Он знал: даже потеряв память, при встрече с ними я из своего упрямства полезу всё выяснять и получу ещё больше ран. Поэтому он оставил память, чтобы я знал причину и следствие, и держался от них подальше. Как бы там ни было, мы с ним люди. Смерти я не боюсь, но боль... боль я очень не люблю.

Напоследок он выдавил улыбку, которая была горше слёз.

Старик вздохнул:

— В таком состоянии тебе здесь существовать — одно мучение. Если повезёт, будешь встречать их раз в год, а если нет — так и месяц не разлучитесь.

Старик был прав. В лучшем случае клан Юэ приходил сюда лишь по праздникам, в худшем — оставался для медитаций. Но Цзян Есюэ лишь самодовольно усмехнулся:

— Поэтому у него было предвидение — отсечь все семь эмоций и шесть желаний. Теперь, если кто-то попытается ранить меня чувствами, я его предком назову.

Ладно, этот парень живёт... всё более беззаботно, подумал старик. И тут он заметил в руках юноши новую вещь.

— Откуда у тебя стрекоза? Раньше у тебя такой не было.

Цзян Есюэ посмотрел на игрушку:

— Даже не знаю, что сказать. Я раскрыл себя только из-за той девчушки. Не пойму, как она меня узнала, мы же так далеко стояли. Раньше я хотел лишь использовать её, чтобы вылечить ноги, не думал, что она такая умная. Даже жалко её стало.

Подумав, он добавил:

— Эй, старик, помню, у тебя было немало ядер духа. Одолжи одно.

Старик не отказал сразу, но и не согласился. Подумав, он сказал:

— Сюэ-эр, не то чтобы я не хотел помочь, но за всё нужно платить. Ты забрал её ядро, чтобы вылечить ноги. Теперь, если захочешь вернуть его — неважно, будет ли это старое огненное ядро или другое — твои ноги вряд ли останутся прежними.

В этом мире за всё нужно платить: чтобы что-то получить, нужно что-то отдать. Но Цзян Есюэ, казалось, всё решил для себя. Без колебаний он ответил:

— Ноги — это просто ноги, мне от них толку мало. Огненное ядро Лань-эр слишком властное, а она по натуре мягкая. Если продолжит использовать его, всё будет как в детстве — не сможет контролировать, поранит и себя, и других. Эй, старик, у тебя есть ядро водной, древесной или водно-древесной стихии?

— Эй, парень, ну почему ты такой упрямый!

Старик хотел его отговорить, но Цзян Есюэ даже не слушал, продолжая выпытывать про другие ядра. В конце концов, старик сдался и под натиском Цзян Есюэ обменял ему ядро водной стихии.

<http://bllate.org/book/22459/2362186>